

УДК 811.161.1

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ КАК ОСОБАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Э.А. Балалыкина

Аннотация

В статье рассматриваются сложные и спорные проблемы определения места числительных в грамматической системе русского языка. Предлагается на основании определенной системы доказательств выделить числительные как особую часть речи, поскольку стандартные разряды числительных оказываются удивительно близкими другим частям речи: прилагательным, существительным и наречиям.

Ключевые слова: числительные и порядковые прилагательные, числительные и счетные существительные, числительные и наречия.

В современной русистике существуют самые разнообразные мнения по поводу классификации частей речи. Соглашаясь с общими положениями относительно принципов выделения частей речи как наиболее крупного объединения слов, характеризующихся единством общекатегориального грамматического значения, однородными морфологическими показателями, общностью грамматических категорий и своеобразием синтаксического употребления в том или ином контексте, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что числительные, которые достаточно поздно стали выделять в качестве самостоятельной (знаменательной) части речи, не удовлетворяют всем требованиям, необходимым для определения этой самостоятельности.

Как известно, древнейшие грамматики не выделяли числительные как указанную категорию слов. М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» называет порядковые слова «производными» именами числительными и отмечает их сходство с прилагательными в склонении, поскольку «имена прилагательные должны с существительными, к коим прилагаются, быть согласны в роде, числе и падеже» [1, с. 554]. В работах лингвистов более позднего периода количество частей речи было различным: четырнадцать – у академика Шахматова [2], десять – у академика В.В. Виноградова [3], десять – в «Русской грамматике» [4]. Они включают в свой состав уже сложившиеся в морфологии части речи: существительные, прилагательные, числительные, глагол, наречие, категорию состояния, предлог, союз, частицы, междометия. В числе этих частей речи (знаменательных и служебных) представлены и числительные в качестве самостоятельной части речи.

Однако некоторые лингвисты подвергали критике подобное объединение слов в группу самостоятельных частей речи. Так, известный польский лингвист

Ежи Курилович в своей статье «Деривация лексическая и деривация синтаксическая. К теории частей речи» выделяет лишь четыре основные части речи: существительные номинируют предметы, прилагательные придают характеристику предметам, глаголы номинируют действия или процессы, наречия придают характеристику действиям или процессам и реже – самим себе. Все другие группы слов: числительные, местоимения, союзы, частицы, предлоги – Е. Курилович относит к особым словам: «Будем ли мы называть следующие элементы частями речи, они не могут быть поставлены на одну доску с указанными четырьмя классами» [5, с. 66]. О том же самом писал и А.М. Пешковский в своем знаменитом труде «Русский синтаксис в научном освещении», выделяя в грамматической системе русского языка те же четыре основные части речи: существительное, глагол, прилагательное и наречие [6, с. 102]. Следовательно, числительные, по мнению указанных лингвистов, представляют собой особую группу слов, выделяемую и в содержательном, и в функциональном отношении. Вот почему те разряды числительных, которые традиционно представлены в любом учебнике по морфологии: количественные, порядковые, собирательные – видимо, следует отнести к разным группам слов, поскольку в них отсутствует комплекс признаков, необходимых для выделения любой части речи: они не объединены ни с точки зрения основного грамматического значения, ни с точки зрения основных морфологических признаков, ни (тем более) с точки зрения синтаксического употребления. Если существительное в плане синтаксического использования в пределах предложения выполняет функции прежде всего подлежащего, прилагательное – определения, глагол – сказуемого, наречие – обстоятельства, то чем является числительное в пределах фразы? У этой группы слов отсутствует эта важная синтаксическая функция, представляющая собой необходимый компонент для определения самостоятельности той или иной части речи. Вот почему разные лексико-грамматические разряды числительных часто относят к разным объединениям слов, что и делают некоторые исследователи (и прежде всего применительно к порядковым числительным).

Порядковые числительные издавна относились к спорной категории лексем, что и отмечено классиками русского языкознания. Их близость прилагательным не вызывает сомнения, поскольку морфологические признаки и синтаксическое употребление в предложении в качестве определения у них полностью совпадают с прилагательными. Что же касается основного значения, то эти «порядковые прилагательные» могут развивать качественные значения и входить в состав фразеологических оборотов. Вот почему в «Русской грамматике» отрицается их принадлежность к категории имён числительных, они определяются как счетно-порядковые прилагательные, которые «не имеют своих собственных, отличающих их от прилагательных, морфологических признаков» [4, с. 541].

«Русская грамматика»-1990 также относит к числительным лишь количественные слова, считая так называемые порядковые числительные порядковыми прилагательными [7]. Подобная традиция восходит к трудам В.В. Виноградова, который привел целый ряд аргументов, доказывающих близость порядковых числительных так называемым относительным прилагательным, поскольку «понятие качественно-относительного признака, выражаемого категорией имен прилагательных, не ограничивается только кругом чисто предметных отношений.

Категория предмета без остатка стирается и поглощается в смысловой структуре имени прилагательного. Поэтому-то и возможно образование прилагательных от обстоятельственных наречий. Тем более естественны типы прилагательных со значением числового отношения» [5, с. 193].

Некоторые лингвисты, и прежде всего В.В. Бабайцева, относят указанные порядковые слова к словам гибридного (синкретичного) вида, поскольку они синтезируют дифференциальные признаки разных частей речи (в данном случае числительных и прилагательных). Вот почему при классификации частей речи Бабайцева выделяет две ступени. К первой относятся слова, обладающие полным набором дифференциальных признаков. Это существительные, глаголы, прилагательные и наречия [8, с. 301]. Эти части речи, как известно, и Грамматика-80 выделяет как основные, обладающие «всем комплексом признаков, характеризующих часть речи как особый грамматический класс слов» [4]. Ко второй ступени В.В. Бабайцева относит промежуточные группировки слов, совмещающие свойства двух частей речи. Это прежде всего порядковые числительные, совмещающие признаки собственно числительных и прилагательных, то есть порядковые числительные, по мнению лингвиста, необходимо отнести к своеобразной гибридной части речи [9, с. 167].

Немалый вклад в развитие и изучение проблемы статуса порядковых слов в языке внесли работы А.Е. Супруна, посвященные числительным в русском и других славянских языках. А.Е. Супрун склонен считать, что порядковые слова «не являются числительными в точном смысле слова» и «более основательной является точка зрения, относящая порядковые к прилагательным» [10, с. 10]. Основанием для отнесения порядковых слов к прилагательным, по мнению Супруна, является общность типов склонения порядковых слов и прилагательных, а также то, что порядковые слова «обладают теми же функциями», то есть «выступают как согласованные определения» [10, с. 105]. Кроме того, по мнению А.Е. Супруна, «способы образования как простых, так и составных порядковых слов совпадают со способами образования других прилагательных» и «основное значение этих слов порядковое», однако «наряду с порядковым значением порядковым словам присуще и другое значение – общее значение отношения к соответствующему числу [11, с. 23]. Таким образом, по мнению А.Е. Супруна, «значение этих слов – не число, а отношение к числу» [12, с. 20], поэтому правомерно отнести их к группе относительных прилагательных, которые также выражают отношение к предмету в широком смысле слова. А.Е. Супрун в своих работах отмечает тесную связь порядковых слов и количественных числительных (в лексическом плане), однако у порядковых слов и имён прилагательных, по его мнению, гораздо больше сходных грамматических свойств, чем у порядковых слов и имён числительных. Более того, порядковые слова и количественные числительные могут быть противопоставлены с точки зрения синтаксиса, поскольку порядковые слова, в отличие от количественных числительных, являются словами с зависимым падежом, выступают в качестве определения, подобно прилагательным и причастиям. А.Е. Супрун уделяет особое внимание способности порядковых слов развивать качественное значение и полагает, что «порядковые относятся к прилагательным, составляя в них группу относительных порядковых прилагательных» [12, с. 106].

замечая, однако, что в школьной и нормативной грамматике эти слова традиционно рассматриваются как разряд числительных.

Как известно, основная тенденция в развитии прилагательных как самостоятельной категории – стремление к развитию безотносительного признака, отвлеченного качественного значения. Этой тенденции подчиняются и порядковые слова, развивающие на уровне словоупотребления различные качественные оттенки в значении. Легче всего подобные значения развивают порядковые слова, связанные с круглыми цифрами (*десятый, тысячный*) или с самыми первыми единицами счета (*первый, второй, третий*). Например, *играть первую скрипку, первый сорт, первый эшелон, первая перчатка (о боксере), первая зелень, первый ученик, быть первым (в чем-либо), от первого кольщика, из первых уст, первый встречный, первая любовь, первый снег, первые всходы, первые шаги, второй сорт, вторая свежесть, дать вторую жизнь, второй хлеб (о картофеле), второе дыхание, вторая натура, второе пришествие, на вторых ролях, на втором плане, третий сорт, четвертое измерение, восьмое чудо света, из пятого в десятое, третьи петухи, в третьем лице, третье поколение, четвертое измерение (недоступная обычным чувствам область бытия, в которой действуют неизвестные законы природы), пятое колесо в телеге, нужна как собаке пятая нога, пятая колонна, шестое чувство, шестой континент (Антарктида), девятый вал, быть на седьмом небе от счастья, седьмая вода на киселе, работать до седьмого пота, дело десятое* и т. д.

Указанные порядковые слова в пределах приведенных сочетаний имеют все морфологические признаки прилагательных, способны выражать разнообразные качественные значения, что и дает основание для отнесенности их к особым «порядковым относительным прилагательным» (по терминологии В.В. Виноградова). Выражая качественное значение, они не могут быть элементами счетного ряда, их нельзя продолжить другими количественными словами (типа *первые шаги*, то есть «самые ранние шаги ребенка», невозможно – *вторые, четвертые шаги* и т. д.). Вот почему А.Н. Тихонов утверждает: «Порядковые числительные, хотя и имеют отношение к числу, являются прилагательными» [13, с. 282].

Особую группу числительных представляют стандартно выделяемые количественные числительные, основное значение которых связано с представлением о количестве, причем они ограничены в плане синтаксическом, поскольку всегда выступают в сочетании с теми предметными именами, количество которых они обозначают в пределах количественно-именного словосочетания¹. Вот почему подобные числительные, за небольшим исключением, лишены категории грамматического рода, не способны определяться прилагательными и ограничены в количественном плане, поскольку представляют собой повторение одних и тех же лексем, расположенных в строгой последовательности, характерной для счетной системы данного общества. Числительные обладают абсолютной продуктивностью. Любое число может быть выражено словом – простым, сложным, составным числительным. При этом каждый элемент этой системы

¹ Мы оставляем в стороне использование числовых лексем в математике как особой сфере, связанной с предельной абстракцией соответствующего мышления.

отличается от других (стоящих рядом) элементов на определенную величину – единицу: *два, три, четыре, пять* и т. д. При употреблении составных наименований числа особую роль играет порядок следования цифровых обозначений (*сто двадцать пять, тысяча сто тридцать восемь* и т. д.). Поскольку указанные числительные лишены значения предметности, они не обладают (за небольшим исключением) категорией рода. Исключение представляет слово *один*, которое многие исследователи относят к разряду прилагательных. Основанием служит не только морфологическая близость к прилагательным (*одного, одному* и т. д.), но и своеобразию употребления в том или ином контексте. Слово *один*, как правило, выражает не столько количественное, сколько качественное значение, выступая в предложении в качестве определения и часто подвергаясь различным процессам семантического преобразования, что приводит к своеобразной грамматической омонимии, когда *один* обозначает либо признак (чаще всего неопределенный), либо употребляется в качестве частиц *лишь, только* и т. д. Например: *Как белый камень в глубине колодца, / Лежит во мне одно воспоминанье* (Ахматова). *Я знал одной лишь думы власть, / Одну – но пламенную страсть* (Лермонтов). *Одна в убежище безбурном / Нам память мир свой бережет* (Вяземский). *Я избрал одни принципы жизни, она – другие* (Брюсов). *Они поговорили ещё немного и, довольные, легли спать, вместе в одной комнате* (Чехов).

Обладание категорией рода, формами словоизменения ещё больше сближает слово *один* с прилагательными. Именно к этой категории относил В.В. Виноградов слово *один* [3, с. 236]. Синонимичное к слову *один* существительное *единица*, как правило, редко используется в количественном значении. Оно активно подвергается процессам семантического преобразования и выступает в том или ином тексте с самыми разнообразными значениями. Например, у Маяковского: *Единица – ноль, единица – вздор. / Голос единицы тоньше писка*. Здесь *единица* значит «один человек». Или у Пушкина: *Мы почитаем всех нулями, / А единицами – себя*. Здесь *единица* используется в значении «важная, значительная личность».

Категорией рода обладают и числительные *два/две, оба/обе*. Правда, здесь категория рода представлена весьма своеобразно. Только в форме именительного и винительного падежей словоформы *два – две* заимствуют категорию рода от выступающего с ними в сочетании существительного, с которым они не согласуются ни в числе, ни в падеже: *два брата, но две сестры*. Во всех остальных падежах у этих числительных родовых различий нет: *двух, двум, двумя* и т. д. Ср.: *В поле в двух шагах ничего не было видно* (Бунин). *Прошло около двух недель* (Тургенев).

К числительному *два/две* примыкает числительное *оба/обе*, которое обычно относят к собирательным. Они сохраняют родовые различия и в косвенных падежах: *обоих братьев, обеих сестер*, но, правда, подобные формы, как правило, используются лишь в книжном тексте, поскольку на уровне разговорной речи они постепенно вытесняются одной формой – *обоих, обоим* и т. д. Ср.: *Им обоим отвели на ночь большую комнату* (Чехов). *Улица была пустынная; дома по обеим сторонам стояли хмуро и безмолвно* (Брюсов). *Дорогая чудная: с обеих сторон густые пирамидальные тополя* (Куприн).

Категорией рода обладают и числительные *тысяча, миллион, миллиард*, которые большинством исследователей относят к числу существительных, обозначающих предметно-собирательное множество. Они обладают всеми грамматическими признаками существительных, в том числе категориями рода и числа, и, как правило, употребляются при выражении неопределенного множества в сочетании с существительными в род. падеже ед. или мн. числа. Например: *На их стороне, хоть и нету законов, / Поддержка и энтузиазм миллионов.* (Высоцкий). *Наше священное ремесло / Существует тысячи лет... / С ним и без света миру светло* (Ахматова). *В ваши силки – призадумайтесь, люди! / Прут добровольно в отменных мехах / Тысячи сот в иностранной валюте, / Тысячи тысяч в наших деньгах* (Высоцкий). *Умрут миллиарды людей, а они (курганы) всё ещё будут стоять, как стояли* (Чехов).

Возможность иметь при себе согласованные определения (типа *последняя тысяча*) лишней раз подтверждает именно характер подобных слов. Например, у В. Высоцкого: *Профессионалы. Им платят деньжищи – / огромные тыщи.*

Если провести параллель между количественными числительными, в большинстве случаев не обладающими категориями рода, и существительными, то окажется, что многие существительные также не обладают категорией рода. Во-первых, это образования *pluralia tantum* типа *дрожжи, щипцы, сани, ворота, гусли, чернила* и т. д. И, во-вторых, как известно, формы множественного числа существительных разных типов склонения также лишены родовых показателей и, соответственно, не могут быть морфологическими выразителями этой категории.

Таким образом, количественные числительные представляют собой весьма пеструю группу слов, обладающих разными грамматическими признаками. Это проявляется и в системе их склонения и сочетаемости с существительными и даже с предлогами (типа *около сорока минут, свыше двухсот рублей* и т. д.). Если в им. и вин. падежах числительное выступает в качестве определяемого слова и управляет существительным: *прошло три дня, десять дней, съели пять конфет* и т. д., то в косвенных падежах числительные, согласуясь с существительным, выполняют функцию определяющего слова: *не прошло и трех дней, десяти дней, довольствовались пятью конфетами* и т. д. По мнению В.В. Виноградова, в косвенных падежах числительные стали простыми абстрактными определителями существительных, чуждыми всякого оттенка предметности, а это способствовало утрате различия между отдельными формами, представляло однородность функций всех косвенных падежей, что и привело к созданию одной общей формы косвенных падежей у слов *сто, сорок и девяносто* [3, с. 239–240].

Как известно, количественные числительные восходят к древнему имени, длительное время они сохраняли свои именные признаки и лишь постепенно в связи с развитием отвлеченного, абстрактного мышления практически лишились значения предметности [14, с. 433]. Вот почему счетные слова лишь эпизодически, неравномерно обладают категорией рода и числа. Именное происхождение подобных числительных типа *пять, шесть, семь* и т. д. подтверждается данными и других близкородственных языков. Так, в современном литовском

языке количественные числительные не утратили категории рода, которая выразительно представлена в них не только в словах *один/одна, два/две, оба/обе, три – vienas/viena, du/dvi, abu/abi, trys*, но и далее: *четыре – keturi* (муж. род) / *keturios* (жен. род), *пять – penki* (муж. род) / *penkios* (жен. род), *девять – devyni* (муж. род) / *devynios* (жен. род) и т. д. [15, с. 83–84]. Подобное обстоятельство – отголосок древних отношений, сохранившихся в современном литовском языке и лишней подтверждающих именной характер количественных числительных.

Некоторые количественные числительные в современном русском языке реагируют и на категорию одушевленности. При сочетании с одушевленным существительным вин. падеж у подобных числительных совпадает с род. падежом. Это прежде всего *один, два, три* и т. д.: *встретили трех девушек*, но *купили три книги, увидели двух мужчин*, но *съели два яблока*. Правда, указанный признак представлен у подобных числительных довольно непоследовательно. Ср.: *вижу пять студенток* и *вижу пять домов, пять карандашей*.

В современной морфологии существуют разные мнения по поводу положения количественных числительных в грамматической системе русского языка, несмотря на стандартное представление об этой группе слов как самостоятельной категории, которая должна быть выделена по целому ряду признаков: основному (числовому) значению, связанному с представлением о числе, отсутствию в большинстве случаев категории числа и рода, особой сочетаемости с существительными и т. д. Однако, по мнению некоторых лингвистов, эти критерии в целом ряде случаев оказываются несостоятельными. Если считать, что именно числовое значение является основным для данной категории слов, то можно предположить, что и некоторые существительные на основании какого-то основного значения можно выделить в самостоятельную категорию слов. Например, имена собственные, как особые «именовательные слова», могут быть вполне представлены как самостоятельная категория слов [16, с. 13]. Не случайно некоторые исследователи предлагали отнести указанные числительные к разряду существительных. Такую точку зрения можно обнаружить в известной работе А.М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении». «Мы предпочитаем вместо числительных, – пишет автор, – говорить о счетных существительных, счетных прилагательных и счетных наречиях» [6, с. 153–154]. То же мнение можно обнаружить в более поздней работе О.П. Суника «Общая теория частей речи», где автор отмечает, что «имена числительные, так же как и местоимения, вообще ни в одном языке, как это давно уже известно, не представляют отдельных частей речи, стоящих в одном общем ряду с существительным, прилагательным, глаголом, наречием» [17, с. 111], или в статье М.В. Панова «О частях речи в русском языке» и др., где автор категорически утверждает: «Числительные не являются особой частью речи» [16, с. 13].

В языке возможна и грамматическая омонимия, явившаяся результатом семантического переосмысления указанных выше «счетных существительных» (термин А.М. Пешковского), то есть количественных числительных: *Я отдал последнюю тысячу* (денежную сумму в 1000 рублей). *Он получил по математике пять* (то есть *пятерку*), *он получил три* (то есть *тройку* – школьную

оценку). В указанных контекстах слова: *тысяча*, *пять* и *три* – «чистые» существительные, омонимичные соответствующим числительным.

Третья важная группа числительных, стандартно выделяемая при их классификации, – собирательные числительные типа *двое*, *трое*, которые обозначают определенное количество предметов как совокупность, как единое целое. Они не имеют категории числа и рода, изменяются по падежам и чрезвычайно близки существительным, поскольку в применении к лицам ярко выражают субстантивное значение. *Двое топчутся по кругу...* (Твардовский). *Живет Балда в поповом доме, / Спит себе на соломе, / Ест за четверых, / Работает за семерых* (Пушкин). *Семеро одного не ждут* (посл.). *Задрожала машина и стала, / Двое вышли в вечерний простор. / И на руль опустился устало / Истомленный работой шофер* (Заболоцкий).

В указанных собирательных числительных отразилось древнее понимание лица. Это выражается в их способности сочетаться только с именами лиц мужского пола. *Пред испанкой благородной двое рыцарей стоят* (Пушкин). *Нас, постоянных жильцов, было шестеро* (Куприн). *А за грохотом и громом, / За броней стальной сидят, / По местам сидят, как дома, / Трое-четверо знакомых / Наших стриженных ребят* (Твардовский). *Трое конных поехали в объезд* (Толстой). *К ней в светлицу / Раз, лишь только рассвело, / Всех их семеро вошло* (Пушкин) и т. д.

Ограниченность в сочетаемости указанных слов, представленная в современном русском языке, лишний раз свидетельствует об особом характере так называемых собирательных числительных. Они сочетаются как с лицами мужского рода, так и с достаточно ограниченным кругом существительных. Это прежде всего наименования детенышей животных (*семеро козлят, шестеро котят*), слова *pluralia tantum* (*трое суток, двое ножниц*), а также названия парных предметов (*двое носков, трое чулок*). В отличие от собирательных существительных, которые обозначают неопределенное множество предметов, мыслимое как единое целое, собирательные числительные представляют также множество, но уже представленное как определенное количество предметов, как единое целое, как совокупность. Это обстоятельство роднит подобные образования с собственно существительными, и, по мнению некоторых исследователей, они должны быть отнесены именно к существительным. А термин «числительное» по отношению к собирательным словам не представляется целесообразным [18, с. 49].

Числительные любых разрядов, традиционно выделяемых в нормативных морфологиях, подобно существительным и прилагательным, активно участвуют в процессах словообразования. Так, на их основе образуются разные части речи: глаголы – *удвоить, утроить, удесятерить* и т. д. и, соответственно, деепричастия – *удвоив, утроив, удесятерив* и т. д.; наречия – *впятером, вшестером, втроем* и т. д., которые соотносительны со словами: *пятеро, шестеро* и т. д., *на двое, на трое, вдвое, втрое* и т. д., которые соотносительны со словами *два, три* и т. д., *дважды, трижды, четырежды*, которые соотносительны со словами *два, три, четыре* и т. д.; прилагательные – *первичный, вторичный, троичный, первейший, первенький* и т. д., которые соотносительны со словами *первый, второй, третий* и т. д. И, наконец, на базе так называемых количественных

числительных образуются суффиксальным способом существительные типа *сотня, тройка, десяток, пятерка, десятка* и др., которые обладают ярко выраженным предметным значением. Обычно их относят к счётным существительным: *По дороге зимней, скучной / Тройка борзая бежит...* (Пушкин). *На банкет он надел новую тройку* (костюм из пиджака, брюк и жилета) и т. д. Подобных производных существительных достаточно много в языке: *тройка* – номер троллейбуса, *тройка, семерка* (игральные карты), *десятка* – (денежная купюра), *пятерка* (школьная оценка), *сотня* – войсковое подразделение и т. д.

Для существительных типа *десяток, сотня* невозможны цифровые обозначения, ср.: **10** домов, **100** гравюр. У них ограничена сочетаемость: *тройка лошадей* (а не метров), *десяток яиц* (а не бомбежек) и т. д. Они могут иметь при себе определение (прилагательные): *черная сотня, быстрая тройка*. Правда, подобные существительные, как правило, не выступают в качестве производящих основ в словообразовании. Ср.: *второй – вторичный, десять – десятый*, но *тройка – ? семерка – ?* В редких случаях – *сотня – сотенный, тройка – троечный* и др. Однако приведенные обстоятельства не мешают их субстантивной природе.

Таким образом, вопрос о месте числительных в грамматической системе русского языка до сих пор остается спорным. Но представление о том, что они занимают особое положение в системе частей речи русского языка, сохранили много именных признаков, связанных с их происхождением, безусловно, позволяет вывести категорию числительных за пределы основных частей речи, что и предлагали некоторые наши морфологи. Развитие математического мышления всё дальше и дальше будет уводить указанные слова в особую, предельно абстрактную, профессиональную (математическую) сферу функционирования.

Summary

E.A. Balalykina. Numerals as Special Category in Modern Russian Language.

The article considers complex and disputable problems of defining the place of numerals in the grammatical system of the Russian language. A system of evidence is suggested, on the basis of which numerals are singled out as a special category; the standard classes of numerals being surprisingly close to other categories: adjectives, nouns and adverbs.

Key words: numerals and ordinal adjectives, numerals and counting nouns, numerals and adverbs.

Литература

1. *Ломоносов М.В.* Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
2. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
4. *Русская грамматика: в 2 т.* – М.: Наука, 1982. – Т. 1. – 784 с.
5. *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая. К теории частей речи // Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 57–70.

6. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 512 с.
7. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. – М.: Рус. язык, 1990.
8. *Бабайцева В.В.* Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи) // Бабайцева В.В. Избранное. Сборник статей – Москва, Ставрополь: Изд-во Ставропол. ун-та, 2005 – С. 294–303.
9. *Бабайцева В.В.* Гибридные слова в системе частей речи современного русского языка // Бабайцева В.В. Избранное. Сборник статей – Москва, Ставрополь: Изд-во Ставропол. ун-та, 2005 – С. 164–168.
10. *Супрун А.Е.* Имя числительное и его изучение в школе. – М.: Учпедгиз, 1964. – 159 с.
11. *Супрун А.Е.* Старославянские числительные. – Фрунзе: Изд-во Киргиз. ун-та, 1961. – 107 с.
12. *Супрун А.Е.* Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. – Минск, 1969. – 232 с.
13. *Тихонов А.Н.* Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология. – М.: Цитадель – Трейд, 2002 – 465 с.
14. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 626 с.
15. *Мустейкис К.* Сопоставительная морфология русского и литовского языков. – Вильнюс: Mintis, 1972. – 288 с.
16. *Панов М.В.* О частях речи в русском языке // Науч. докл. Высш. шк.: Филол. науки. – 1960. – № 4. – С. 3–14.
17. *Суник О.П.* Общая теория частей речи. – М.-Л.: Наука, 1966. – 130 с.
18. *Киров Е.Ф.* Части речи русского языка // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. – 1999. – Вып. 1. – С. 31–58.

Поступила в редакцию
03.04.09

Балалыкина Эмилия Агафоновна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Казанского государственного университета.